

Астрид Линдгрен

*Нет в лесу
никаких
разбойников*

Annotation

Рассказ из сборника «Нет в лесу никаких разбойников». Издательство: журнал «Семья и школа». Перевод со шведского И. Новицкой. Иллюстрации Ингрид Ван-Нюмен.

Во всех книгах Линдгрэн — особенная атмосфера: фантазии, игры, душевная свобода и справедливость, — атмосфера, особенно желанная для детских умов и сердец.

Эта удивительная атмосфера — своего рода фирменный знак писательницы — царит и в произведениях, собранных в книге, которую вы держите в руках. Это ранние и, как правило, мало известные или не известные у нас произведения Астрид Линдгрэн, к тому же публикуемые в новых и, смеем надеяться, лучших переводах. Но это не заготовки к её будущим произведениям крупных жанров, что еще предстояло ей написать, а скорее живые бутоны её будущих книг-цветов.

- [Астрид Линдгрэн](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Астрид Линдгрен

Спокойной ночи, господин бродяга!

Наступило последнее воскресенье перед Рождеством, и мама с папой собрались ехать на похороны. Вообще-то нет ничего глупее — устраивать похороны в такую пору! Но иногда людям случается умирать во время предрождественской суматохи.

Детям пришлось остаться дома одним. И было им очень даже неплохо. Сиди себе за столом в кухне и вырезай из глянцевой бумаги ёлочные украшения! А кладовая прямо ломилась от рождественских угощений, которыми можно полакомиться, когда проголодаешься. И ещё у них было полное блюдо ирисок, светло-коричневых ирисок, сваренных с большим количеством миндаля и разлитых в круглые формочки из гофрированной бумаги. Кути себе на здоровье! Ириски так чудесно приставали к зубам! Они были жёсткие, липкие, тягучие! Такие ириски делают в Швеции только на Рождество!

Лишь об одном беспокоилась мама.

— Будьте осторожны и закройте получше дверь! — наставляла она детей. — И, ради Бога, не впускайте в дом никаких бродяг!

Ведь история эта случилась в то время, когда по дорогам странствовали бродяги. Бродяги были разного пошиба. Добродушные и застенчивые, которые, ни слова не говоря, усаживались на стул возле самой двери. Болтливые бродяги, которые любили порассуждать и придумывали всякие истории. Пьяницы, которые иногда бывали в хорошем настроении, а иногда хватались за ножи. И бродяга, изрядно завшивевшие, после которых приходилось основательно чистить стулья. Мама ни капельки не любила бродяг. Какого бы пошиба они ни были. Но она всегда угощала их огромными, толстыми бутербродами с салом.

И вот теперь детям предстояло остаться дома одним.

Пока мама перед отъездом долго давала детям наставления, папа изо всех сил удерживал на месте лошадей, запряжённых в санную повозку. «Только не впускайте в дом никаких бродяг!» — вот что сказала мама напоследок.

Нет, дети и не собирались впускать никаких бродяг. Им было так весело! Они резали бумагу для ёлочных корзиночек. А Свен показывал младшим сёстрам, как эти корзиночки надо плести. А ещё они говорили о Рождестве и пришли к выводу, что в мягких свёртках лежат самые неинтересные подарки: чулки, варежки и прочие скучные вещи. Зато в жёстких свёртках находятся куклы, оловянные солдатики и всё остальное, что делает их жизнь такой увлекательной и разнообразной.

Дети уплетали ириски, и их круглые, похожие на булочки, щёки лоснились, как у церковных ангелов. Словом, воскресенье получилось ни чуточки не скучным.

Крючок крепко держал дверь чёрного хода. Однако Свену пришлось на минутку отлучиться из дома. И когда он вернулся, то забыл снова закрыть дверь на крючок. Потому что в это время Анна и Инга-Стина подрались из-за ножниц, и Свену пришлось разнимать их.

Настенные часы в спальне, дребезжа, отбили семь раз. И едва только они отбили, как раздался стук в дверь.

— Войдите! — впопыхах, не подумав, крикнул Свен. — Ой, чуть не забыл... нет, не вхо... — хотел поправиться он.

Но было слишком поздно.

Дверь открылась, и в кухню кто-то вошёл. Бродяга — вот кто вошёл к ним. Даже Инга-Стина поняла, что это именно он, и заревела от ужаса.

— Что это с тобой? — удивился бродяга. — У тебя болит живот?

Но Инга-Стина завопила ещё громче. Свен и Анна покраснели. Свен подошёл к бродяге и, запинаясь, проговорил:

— Мы... мы дома одни, и вы... господин бродяга, ступайте своей дорогой...

Не успел он это сказать, как туг же понял, что сморозил глупость — проговорился, что они дома одни.

— Но папа с мамой скоро придут! — поправился он. — Очень даже скоро придут!

— С минуты на минуту, — добавила Анна, почувствовав себя уверенней от этих слов.

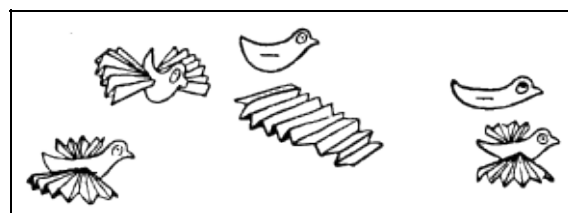
А Инга-Стина продолжала реветь.

— Так вы делаете рождественские корзиночки? — спросил бродяга, подходя к столу. — Если бы вы знали, что я умею делать! — продолжал он, хватая со стола ножницы, и гляцевую бумагу.

Он сложил в несколько раз бумажный лист и что-то вырезал в нём. А когда развернул бумагу... О, какой прекрасный узор из звёзд образовался на ней! Ну чистое волшебство!

— Вот это да! — ахнули дети, широко раскрывая глаза.

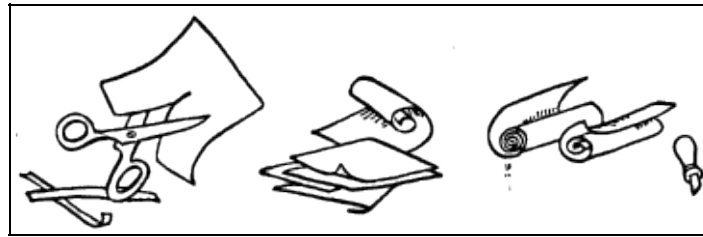
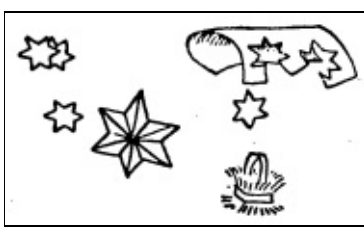
А потом бродяга сделал ещё и корзиночку. Крошечную-прекрошечную. Даже странно было, как его огромные грубые ручищи могли сплести такую маленькую изящную вещицу.

— Какая маленькая! Ой, какая малюсенькая корзиночка! — воскликнула Анна.

— Когда вы повесите её на ёлку, то в неё поместится только одна изюминка, — сказал бродяга.

— Подумать только, что умеет делать господин бродяга! — восхитился Свен.

Он назвал бродягу господином, потому что счёл, что самое правильное сейчас — это быть вежливым с ним.

— Я умею и кое-что похлеще! — сообщил детям бродяга. — Я умею колдовать.

— Вот это да! — изумились дети.

— Смотрите! — бродяга вынул из уха Инги-Стины ириску.

— А в другом ухе у меня нет ириски? — тут же перестав плакать, спросила Инга-Стина.

Тогда бродяга вынул у неё ириску и из другого уха тоже.

— Вот это да! — удивились дети.

— А теперь мне надо поговорить с братом, — сказал бродяга чуть позже. — Он у меня живёт в Америке.

— А как вы, господин бродяга, будете с ним говорить? — поинтересовалась Анна.

— Есть у меня тут одно тайное устройство, — загадочно ответил бродяга. — Я сам его изобрёл.

— А что это за тайное устройство? — спросил Свен.

— Да это такой аппарат, — объяснил бродяга. — Он находится у меня в животе. По этому аппарату можно услышать всё, что говорит мой брат.

— Вот это да! — ахнули дети.

— Привет, Чарли! — прокричал бродяга. — Чарли и есть мой брат, — объяснил он детям. — А когда он жил дома, в Швеции, то его звали Калле. Привет, Чарли! — снова прокричал он.

И тут — нет, вы подумайте только! — и Свен, и Анна, и даже Инга-Стина услышали доносящийся из живота бродяги глухой голос:

— Привет, Ниссе! Как поживаешь?

— Да так, помаленьку, — ответил бродяга. — А сам-то ты как?

— Копаю золото, — снова донёсся из живота голос. — Сегодня накопал целых пятнадцать кило.

— Финос пурос, — сказал бродяга.

А это ещё что такое?

— Я пошлю тебе завтра хренспонденцию и вложу в конверт сто талеров, — сообщил голос.

— Финос пурос, — снова повторил бродяга. — Тогда я куплю себе костюм в красную полосочку и весь в бантиках. Пока, Чарли!

Больше голоса Чарли не было слышно.

— Завтра я получу целых сто талеров, — удовлетворённо сказал бродяга и с улыбкой посмотрел на детей.

— Вот это да! — воскликнули Свен, Анна, Инга-Стина и на минуту замолчали.

— А что вы ещё умеете, господин бродяга? — вежливо спросил Свен.

— Умею представлять, как на театре. Например, что я пьянчужка и меня забирает

полиция, — ответил бродяга и начал представление.

Инга-Стина взяла ещё одну ириску и засунула её в свой пухлый ротик, почти такой же, как у церковного ангела. Но как раз в это время бродяга, шатаясь, как пьяный, прошёл по кухне с таким комичным видом, что Инга-Стина не смогла удержаться от смеха. И подавилась ириской.

— Кх-х-х-х-х, — синяя, просипела Инга-Стина. И отчаянно замахала руками.

— Выплюни скорее! — закричали Свен и Анна.

Но Инга-Стина не смогла ничего выплюнуть. Ириска прочно застряла в горле.

И туг на выручку подоспел бродяга. Он одним махом подскочил к Инге-Стине — от расхлябанного пьянчужки и следа не осталось — сунул два пальца ей в рот и вытащил из горла ириску.

Инга-Стина заорала благим матом и чуть-чуть сплюнула на клеёнку. Но потом улыбнулась и спросила:

— А что вы ещё умеете, господин бродяга? Покажите снова пьянчужку! Это так смешно!

— Лучше я спою вам песню, — сказал бродяга и спел им очень печальную песню про одну красивую девушку, которую растерзал лев.

— А мы тоже умеем песни петь, — сказала Анна.

И дети спели бродяге такую песню:

Не делай ошибки Ионы-пророка,
От страха в Ниневию он не пошёл.
И в слове Господнем не узрел он прока,
В чужом корабле он спасенье нашёл.
Но что ж получилось? Вдруг буря случилась.
И судно без помощи чуть не разбилось.

Бродяга сказал, что он и не думал поступать, как пророк Иона.

— А что вы ещё умеете делать, господин бродяга? — спросила Инга-Стина, хотя ещё оживлённо, но уже несколько сонливо.

— Я умею говорить по-арабски, — сказал бродяга.

— Вот это да! — ахнули дети.

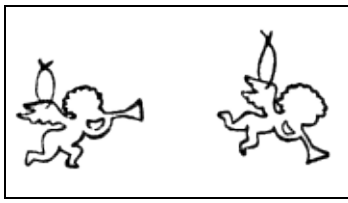
— Печингера печингера бушш, — продемонстрировал свое умение бродяга.

— А что это значит? — спросил Свен.

— Это значит: я проголодался, — ответил бродяга.

— И я тоже! — обрадовалась Инга-Стина.

Тут и Анна вспомнила, что они ещё не ужинали. Она пошла в кладовую и вынесла оттуда рождественскую колбасу, и студень, и солонину, и печёную грудинку, и обычный хлеб, и хлеб, выпеченный на патоке, и отрубной, и сливочное масло, и молоко.

Дети убрали глянцевую бумагу, ножницы и расставили на столе кушанья.

— Благослови, Господи, хлеб наш насущный, — сказала Инга-Стина.

И все принялись за еду. Бродяга тоже. Теперь он надолго замолчал и всё ел, ел да ел. Он ел и колбасу, и студень, и солонину, и печёную грудинку, и бутерброд с маслом, и даже выпил молока. А потом съел ещё колбасы, и студня, и солонины, и печёной грудинки, и опять намазывал маслом бутерброды, и снова пил молоко. Просто удивительно было — сколько всего он мог съесть! Наконец он рыгнул и сказал:

— Иногда я могу есть даже ушами.

— Вот это да! — воскликнули дети.

Бродяга взял увесистый кусок колбасы и сунул его в свое здоровенное ухо.

Дети застыли в ожидании. Им хотелось посмотреть, неужели он и впрямь умеет жевать ушами. Жевать ушами бродяга не стал. А вот кусок колбасы тут же куда-то улетучился.

Да, это был поистине необыкновенный бродяга! А потом он притих и долго-долго не произносил ни единого слова.

— Вы умеете ещё что-нибудь, господин бродяга? — не выдержав, спросила Инга-Стина.

— Нет, больше я ничего не умею, — ответил бродяга голосом, совершенно отличным от прежнего.

Этот новый его голос оказался вдруг таким измученным.

Бродяга встал и поплёлся к двери.

— Мне пора идти, — грустно сказал он.

— А куда? — спросил Свен. — Куда вы пойдёте, господин бродяга?

— Куда Бог даст, — ответил тот, выходя за порог.

Но в дверях он оглянулся.

— Я ещё вернусь, — сказал бродяга. — Я вернусь после дождичка в четверг. И приведу с собой своих ручных блох, которые умеют прыгать как вороны.

— Вот это да! — ахнула Инга-Стина.

— А какой смех, наверно, смотреть на них! — воскликнул Свен.

Дети проводили бродягу до крыльца. На улице было так темно! Ветви яблонь казались совсем чёрными и печально тянулись со всех сторон в сумрачное зимнее небо. Проселочная дорога тёмной, бесконечно длинной лентой убегала вдаль и терялась где-то за горизонтом, куда не доставал взгляд.

— Спокойной ночи, господин бродяга, — низко кланяясь, сказал Свен.

— Спокойной ночи, господин бродяга, — прощепетали Анна с Инга-Стаиной.

Но бродяга не ответил. Он просто уходил. И больше уже не оборачивался.

Наконец до слуха детей долетел скрип санных полозьев по заснеженной дороге, ведущей вверх к их дому от подножия Холма.

А там в скором времени подошёл и Сочельник со своим бурным, искрящимся весельем. С твёрдыми и мягкими свертками, со свечами в каждом углу, со сказочным запахом Рождественской ёлки, сургуча и булочек с шафраном! Ах, если бы такой чудесный день приходил как можно чаще и не кончался бы так быстро!

Но все Сочельники *кончаются*. Переполненная впечатлениями Инга-Стина заснула прямо на диване в зале. А Свен и Анна стояли в кухне у окна и смотрели на улицу.

В этот вечер заносило снегом весь Смоланд. Метель гуляла над холмами, кружила по горам, плясала на реках и озерах — да, она заметала все леса, луга и каменистые пашни, словом — весь Смоланд. Снег падал на все узкие, извилистые и крутые дороги, ложился тяжёлым покрывалом на стоящий по их обочинам частокол. А может, его хлопья кружились и над нищим беднягой, который брёл по одной из этих дорог куда глаза глядят.

Анна, казалось, начисто забыла о бродяге. С тех пор как он исчез, она ни разу не подумала о нём. Но теперь, стоя у окна в кухне и прижав нос к стеклу, она вдруг вспомнила о его существовании.

— Свен, — сказала Анна. — Как ты думаешь, где сейчас наш бродяга?

Свен погрузился в размышления, посасывая свинку из марципана.

— Идёт, наверно, по какой-нибудь дороге в приходе Локневи, — задумчиво ответил он.

ОБ АВТОРЕ

Осенью 1944 года в только что созданном шведском издательстве «Рабен-Шёгрен», которое намеревалось выпускать книги для детей, собралась маленькая комиссия, чтобы рассмотреть рукописи, присланные на объявленный издательством конкурс на лучшую книгу для девочек. Вторую премию решили присудить автору рукописи под названием «Бритт-Мари изливает душу». Но имя автора было пока неизвестно: оно хранилось в запечатанном конверте. Вскрывая конверт, директор проворчал:

— Только бы это был настоящий писатель, а не какой-нибудь начинающий!

Увы, его ждало разочарование.

«Фру Астрид Линдгрэн», — было написано на листке.

— Обычная домохозяйка... Жаль, — вздохнул директор.

Скоро, однако, выяснилось, что он поспешил со своим огорчением: «обычная домохозяйка» оказалась прирожденной детской писательницей, настоящим «детским праздником» и в литературе, и в жизни. Уже через год после своего дебюта она спасет открывшее ее издательство от банкротства, предложив ему сказочную повесть «Пеппи Длинныйчулок», которая сразу же приобрела миллионы юных и даже неюных друзей во всем мире. Та же судьба ожидала и все другие произведения Астрид Линдгрэн: они были написаны для детей и впервые печатались издательством «Рабен-Шёгрен», которое стало не то что «крестником», но прямо-таки родным домом писательницы (тем более, что она почти четверть века проработала в нём редактором).

А потом — всего через 14 лет после того как она впервые переступила порог этого дома — Астрид Линдгрэн вручили высшую награду, какой может удостоиться детский писатель, — Золотую медаль имени Ханса-Кристиана Андерсена.

Детство будущей писательницы прошло в южной шведской провинции Смоланд. «Там лесисто, дико и прекрасно, — пишет о своей родине А. Линдгрэн, — там много маленьких озер, березняка и каменистых тощих полей». Эти скудные поля могли прокормить только упорных,

трудолюбивых, самоотверженных людей. Такими и были родители будущей писательницы, ее бабушки и дедушки. Отец её, Самуаль Август Эриксон, арендовавший фермерскую усадьбу в селе Несе, гордо хранил диплом, выданный ему за то, что он очистил на здешней земле 20 каменистых осыпей и убрал 10 тысяч камней...

56 лет, до самой своей смерти, прожила рядом с ним Ханна — мать писательницы, чудесная хозяйка и прекрасная воспитательница. Астрид, две ее младших сестрѐнки и братишка должны были слушаться матери, но не слепо. Их не ругали за опоздание к обеду, за разорванную или грязную одежду, не корили за озорство, хотя дети не были паиньками. Просто родители помнили собственное детство и могли понять и простить детские проказы. Когда, много спустя, Линдгрэн писала книги о великом озорнике Эмиле из Лѐннеберш, её консультировал отец, сам испытавший многое из того, что проделывал теперь герой его дочери...

Своим родителям и их трогательной любви друг к другу посвятила одну из своих книг Астрид Линдгрэн, к тому времени сама уже ставшая бабушкой. «Мои Дорогие Родители! — написала она в посвящении. — Этой книгой дочь Ваша выражает самую сердечную и нежную благодарность за всё!»

Невероятно, но факт: лет до пяти Астрид и на подозревала, что на свете существуют книги. Сказок-то ей бабушка Ида рассказывала много, а что они где-то там печатаются, не знала. Но вот однажды соседка-школьница, дочь местного пастуха, прочитала ей сказку о великане Бим-Баме и фее Верибунде. Астрид была потрясена даже не самой сказкой, а звучанием слов, записанных в книжке. После этого она быстро освоила чтение и стала уже охотиться за книгами. Первой ее собственной книжкой была «Белоснежка», за ней последовали сказки Андерсена, который сразу стал её любимым писателем, а потом и главным учителем в литературе.

Счастливое детство, сохраненное в душе на всю жизнь, и огромная любовь к детям... Это свойственно, пожалуй, всем сколько-нибудь известным детским писателям. Но даже из них лишь немногие любят возиться с детьми, быть заводилами в их фантазиях и снах. Недаром почти на всех фотографиях писательницу неизменно изображают в кругу ребят.

Дети, свои или чужие, живые и даже умершие, были лучшим возбудителем ее удивительной творческой фантазии.

О Пеппи Длинныйчулок. ее попросила рассказать собственная дочка, которая сама же и придумала имя этой героине. Астрид стала рассказывать, потом, заболев, принялась записывать свои рассказы — так и родилась эта книжка, одна из самых любимых детских книг.

В другой раз писательнице пришлось утешать плачущего внука.

— Угадай, что натворил однажды Эмиль из Лѐннеберги? — с отчаянием спросила она, и мальчик тут же замолк. А бабушке пришлось рассказывать о проделках озорного мальчишки, само имя которого она придумала только что.

Другой мальчик, совершенно чужой, вообще ни о чем не просил — он просто сидел на парковой скамейке, грустный и одинокий. Этого было достаточно, чтобы писательница вообразила его чужим ребенком в семье, где с ним плохо обращаются, запрещают играть и читать. Она перенесла его в волшебную страну, где он стал смелым и самоотверженным рыцарем, принцем Мио, победителем злобного рыцаря с каменным сердцем (сказка о нем называется «Мио, мой Мио!»).

Наконец, попав однажды на кладбище в Виммербю и увидев могилу, где были похоронены два юных брата, Линдгрэн создала еще одну сказочную повесть — «Братья Львиное сердце». О братьях, борющихся за счастье для людей и в то же время трогательно и самоотверженно заботящихся друг о друге. Как и в сказке о Мио, сюжет здесь разворачивается параллельно — в

мире детской мечты и в реальности. Вообще нельзя не поразиться, с какой свободой и естественностью Линдгрэн переводит повествование из реальности в сказку, — свойство, для детской книги тем более ценное, что дети, как известно, сами постоянно перескакивают из реальности в сказку и обратно.

Взрослые критики удивлялись, почему чуть ли не краеведческие книги Линдгрэн о жизни шведской детворы: «Мы все из Бюллербю», «Дети с улицы бузотеров» или «Мы — на острове Сальткрока» — нравятся детям, живущим далеко за пределами Швеции. А детям, в каких бы уголках Земли они ни жили, нравятся эти вещи потому, что в них, как и во всех книгах Линдгрэн, царит особенная атмосфера: фантазии, игры, душевной свободы и справедливости, — атмосфера, особенно желанная для детских умов и сердец.

Эта удивительная атмосфера — своего рода фирменный знак писательницы — царит и в произведениях, собранных в книге, которую вы держите в руках. Это ранние и, как правило, мало известные или не известные у нас произведения Астрид Линдгрэн, к тому же публикуемые в новых и, смеем надеяться, лучших переводах. Но это не заготовки к её будущим произведениям крупных жанров, что еще предстояло ей написать, а скорее живые бутоны её будущих книг-цветов. Этим «произведениям малых форм», как в таких случаях выражаются критики, тоже свойственны все те замечательные качества, о которых мы говорили применительно ко всему творчеству писательницы. Впрочем, вы, наверное, уже убедились в этом сами.

С. Сивоконь

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)